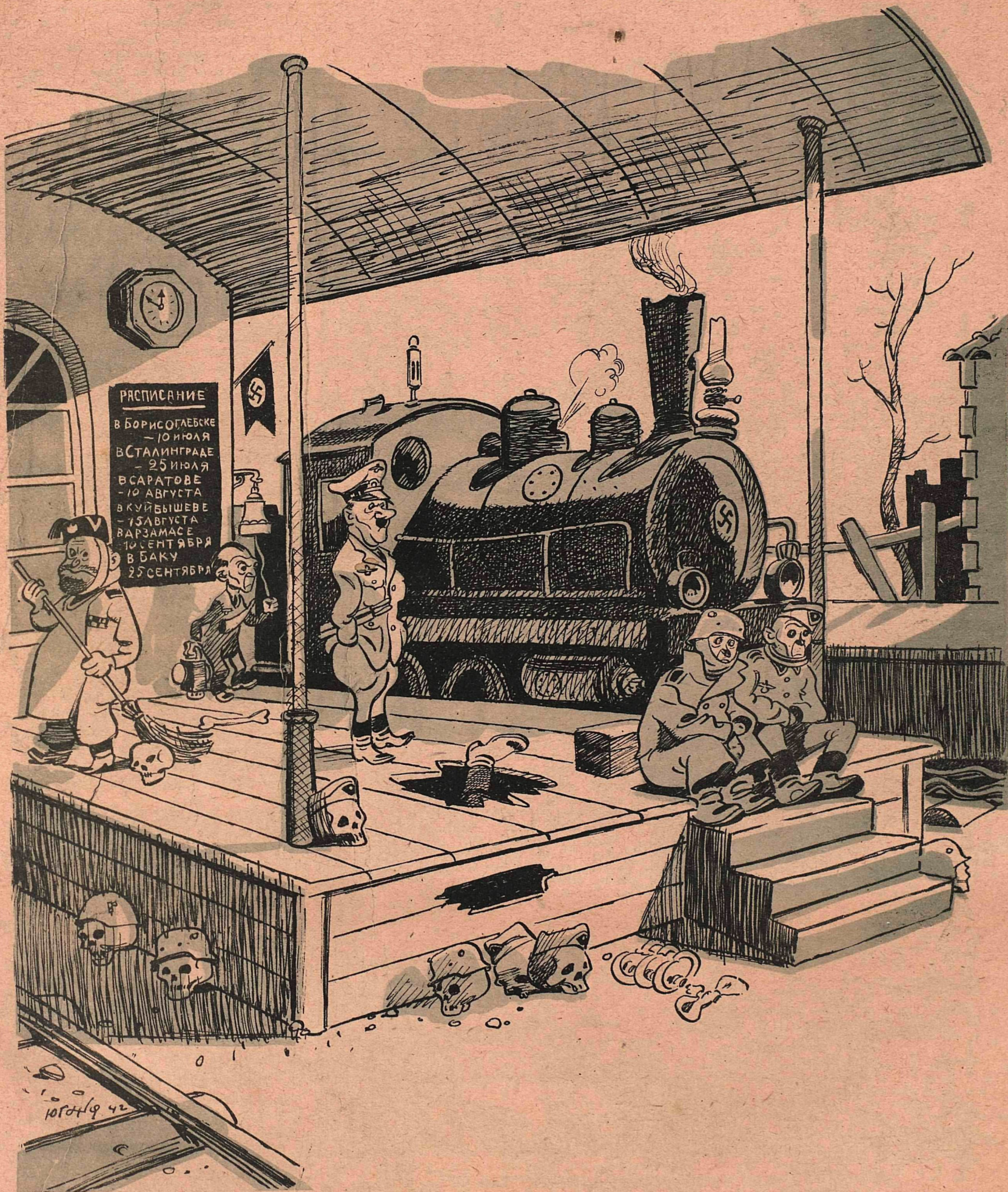

К Р О К О Д И Л

РАСПИСАНИЕ
 В БОРИСОГЛЕБСКЕ — 10 ИЮЛЯ
 В СТАЛИНГРАДЕ — 25 ИЮЛЯ
 В САРАТОВЕ — 10 АВГУСТА
 В КУРЬШЕВЕ — 15 АВГУСТА
 В АРЗАМАСЕ — 10 СЕНТЯБРЯ
 В БАКУ — 25 СЕНТЯБРЯ

10/11/42

Рис. Ю. Ганфа

— Когда же наш поезд пойдет?
 — Не знаю. Москва расписание отменила.

Бор. Ефимов-42.

ЛАВАЛЬ: — Я только что посетил господина Гитлера. Он снова покорнейше просил выручить его и снабдить рабочей силой.

Выраженья и сраженья

(Басня)

Давно известно миру,
 Что чудеса свершаются во сне, —
 Бывает то ж и на войне.
 Жил командир бывалый,
 Врагов в гражданскую бивал,
 Рубал налево и направо,
 Имел авторитет немалый.
 Но жил с тех пор он прошлой славой,
 Науку боя презирал
 И нынче плохо воевал.
 Суворовским словцом непрочь
 блеснуть при встрече,
 Суворовым перчил свои лихие речи,
 Своим учителем Суворова он звал.
 И вот однажды командиру,
 Лишь только лег вздремнуть он всласть,
 (забыл его дивизию и часть)
 Приснился сон.
 Без долгих сборов
 В блиндаж к нему вошел Суворов...
 Вскочил наш командир: «Ах, что такое?!
 Нам встретить надобно героя!»
 Старик в ответ ему: «Садись!
 К чему мне знаки уваженья?
 Ты лучше толком объяснись.
 Ты все мои увоил выраженья:
 Что говорил, коль весел был,
 И что сказал в минуту раздраженья,
 Что пеший вымолвил, и что — верхом,
 И где и как кричал я петухом...
 Но, братец, кроме выражений,
 Немало, кажется, я выиграл сражений?!
 Забудешь выраженья — ерунда!
 Хоть ты силен по части разговоров,
 Неважно, что сказал,
 Как действовал Суворов, —
 Вот ты гляди куда!
 Вот тут наследники мне были бы по нраву:
 Вам завещал суворовскую славу,
 Ведь хватка у иных моя!
 Ну, будь здоров! Ишь заболтался я...
 Слова — не в счет, делам — поверю!»
 Генералиссимус исчез за дверью,
 Короткий преподав урок.
 А командир забыть тот сон не мог
 И мысли все свои привел в движенье...

В сей басне есть и заключение:
 Мы научились немцев бить,
 Герои многие по праву
 В боях наследуют суворовскую славу;
 Но нечего греха таить:
 Иной Суворовым божится и клянется,
 Уверен, что и в нем Суворова дух бьется,
 Поклоны он Суворову кладет,
 Но... дальше слов его нейдет!

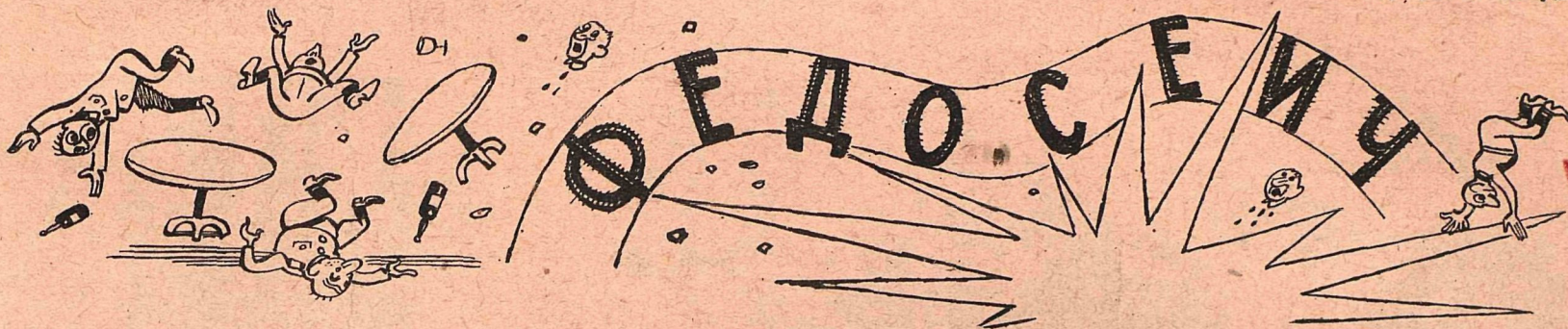
Ая. ФЛИТ

СКАЗКА ГЕББЕЛЬСА

— Вы читали газету? Каков наш Дрейфен-
 брех! Один взял в плен сотню казаков!
 — Как же это он ухитрился?
 — Окружил!

РУМЫНСКИЙ ГАЛОП

— Ганс, как ты спасся от русских танков?
 — Верхом.
 — На лошади?
 — Нет! На румыне, но они бегают от рус-
 ских не хуже скаковых лошадей.

ОФИЦЕРАМ было скучно. Они десяти дни сидели в этом тихом, деревянном городке, затерянном в густых лесах Смоленщины. Они проклинали все на свете: русскую осень, наводящую тоску на душу, страшную смоленскую грязь, затянувшуюся войну и главным образом своего генерала, в голову которому пришла эта дурацкая мысль: отправить выздоравливающих после легких ранений офицеров отдыхать не в Германию, а в ближайший тыловой город.

Чтобы как-нибудь развлечь офицеров, комендант открыл для них кафе. Под кафе заняли бывший кинотеатр «Великан».

Прислуживал офицерам в кафе Федосеич, старый московский официант, служивший в свое время еще у знаменитого Тестова и проживавший в этом городке на покое.

Попал Федосеич к немцам на службу очень просто: предатель-бургомистр знал всех жителей города в лицо, и, желая выслужиться перед комендантом, он рассказал ему про Федосеича.

Комендант вызвал к себе старика и объявил ему тоном, не допускавшим возражений:

— Ви есть спе-ци-алист!.. Он пошоль арбайтен... работать в кафе для господ офицеров.

— Старый я,— сказал Федосеич, пряча глаза,— куда мне?! Ноги не идут... И в поясице колотье...

— Молшаты! — крикнул комендант. — Прекращать саботажи!..

Через несколько дней Федосеич в черной старой, лоснящейся по швам паре, с салфеткой подмышкой уже стоял в фойе кинотеатра «Великан», где были расставлены столики, накрытые награбленными у жителей белыми скатертями.

Всем распорядился здесь ефрейтор Шпунте — денщик толстого майора Шредера, — а Федосеич был у него на побегушках. Офицеры объяснялись с Федосеичем главным образом жестами; старик терялся, бормотал, пожимая плечами и улыбаясь деланной улыбкой невпопад.

— Не понимаю я, господа полупочтенные, ни черта, сильвулле, компренз, данке зер!..

Подходил Шпунте и кое-как переводил офицерский заказ Федосеичу, подкрепляя свой перевод увесистыми тычками тяжелого кулака.

Офицеры не замечали старика-официанта. Но однажды он совершенно неожиданно привлёк к себе их внимание. Это произошло так.

В этот вечер было особенно скучно в фойе кинотеатра «Великан». За окнами глухо шумел дождь. Офицеры лениво тянули французский коньяк, курили преческие сигареты и обменивались фразами, в которых было больше междометий, чем смысла.

Вошел лейтенант Рудольф Граузер. Он сбросил мокрую шинель, брезгливо посмотрел на свои грязные сапоги и сел к столику толстого майора Шредера.

— Руди, — сказал майор, — вы должны нас как-то позабавить. Вы же были остроумным актером, чорт побери!.. Придумайте что-нибудь, иначе мы здесь все сохнем от скуки!..

В этот самый момент Федосеич подошел к столику майора. Лейтенант Граузер посмотрел на старика, и вдруг его бледное, наглое лицо оживилось.

— Господа! — сказал он, широким жестом показывая на Федосеича, — посмотрите на это чудело!

Офицеры отставили свои рюмки и с любопытством стали разглядывать Федосеича.

— Вы думаете, что это простой лакей? — продолжал лейтенант Граузер. — Нет! Это отец русского полковника. И к тому же танкиста, как и мы. Да, да, не смейтесь!.. Мне об этом

только что сказал комендант!.. Только в этой сумасшедшей стране могла возникнуть подобная ситуация, а?! Сын воюет с нами, а его отец подает нам тарелки!..

Офицеры засмеялись. Толстый майор Шредер сказал:

— Однако как бы нас не отравил этот папа русского полковника, за ним надо приглядывать.

— Давайте сочиним сейчас маленькую импровизацию, — предложил лейтенант Граузер, — я начну, а вы мне подыгрывайте!.. Шпунте! Сюда!

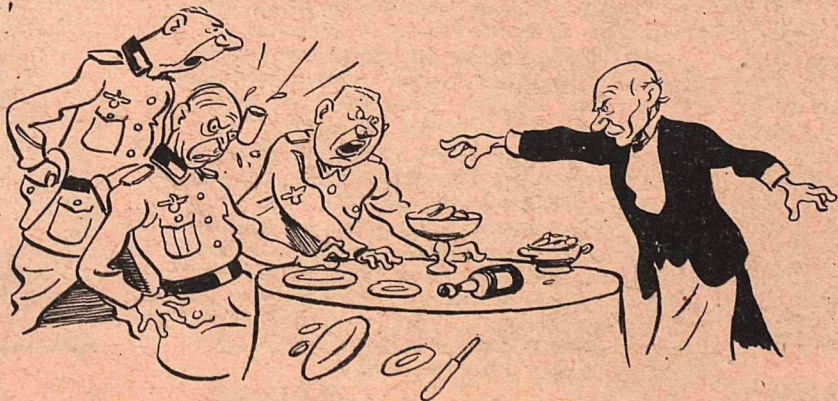
Подбежал ефрейтор, щелкнув каблучками.

— Что прикажете, господин лейтенант?!

— Скажи старику, — приказал Граузер, — что мы знаем все про его сына. Но пусть он нас не боится. Мы хотим с ним выпить за нашего храброго врага — за его сына. Сейчас этот старик — для нас не лакей, а отец офицера. Пусть он сядет!..

Шпунте кое-как перевел Федосеичу слова лейтенанта. Старик поблел, потом кровь бросилась ему в лицо, растерянная, жалкая улыбка исказила его лицо.

— Садись, когда приказывают! — повторил

Шпунте и тычком в спину заставил Федосеича сесть.

Радуюсь неожиданно возникшей игре, смеясь и болтая, офицеры подвинулись, давая официанту место за столиком майора Шредера.

Лейтенант Граузер отошел к буфету, быстро налил в бокал уксусу, прибавил перца, соли, горчицы, стряхнул туда же пепел с сигары, подкрасил эту адскую смесь красным вином и, вернувшись к столику, с поклоном подал бокал Федосеичу.

— Пусть пьет с нами, — сказал он Шпунте, — за своего сына-полковника.

Шпунте снова перевел Федосеичу приказ лейтенанта.

С той же растерянной улыбкой, не понимая, что это все значит, Федосеич взял бокал. Хоча, офицеры стали чокаться с официантом.

Федосеич поднес бокал ко рту и сделал глоток. Лицо его сразу же искривилось, он закашлялся, схватился за грудь.

Офицеры захохотали еще громче. Ну и выдумщик этот Руди!.. Вот что значит актер!..

Шпунте сказал:

— Лейтенант говорил: какой есть твой сын, такой есть твой напиток!..

Федосеич поблел и встал. Глаза его, выцветшие, слезящиеся, вдруг потемнели и засверкали недобрим огнем. Он взял бокал и выплеснул его прямо в презрительно-наглое, смеющееся лицо лейтенанта Граузера.

— Получи, собачья морда! — сказал он. — От сына и от меня!

С грохотом упали на пол отодвинутые стулья. Офицеры вскочили и закричали все разом резкими, лающими голосами. Ефрейтор Шпунте выхватил пистолет и прицелился в Федосеича, но майор Шредер остановил его:

— Не надо!.. Отведи его в комендатуру. Он будет повешен сегодня же на рассвете!..

Шпунте ткнул Федосеича дулом пистолета в спину и повел его к выходу. И тут произошло неожиданное: в следующую минуту Федосеичу показалось, что в фойе кинотеатра «Великан» вдруг со страшной силой ударила молния. Небывалый гром потряс здание. С потолка посыпалась штукатурка, свет погас. Дикими голосами завопили офицеры.

Федосеич упал на пол и, повинаясь инстинкту, пополз к выходной двери. На улице уже гремели автоматные очереди!..

Пришел в себя Федосеич уже в лесу, в партизанской землянке. Он рассказал про последний ужин немецких офицеров. И снова впал в забытие. А через три дня, отлежавшись и придя в себя, Федосеич сказал командиру партизан:

— Буду у вас хоть шефом, что ли. Бламанже или там растагав от меня не ждите, поскольку у меня специальность другая, но рассыльник безусловно сготовить сумею.

— Добре, — сказал командир, — действуй!..

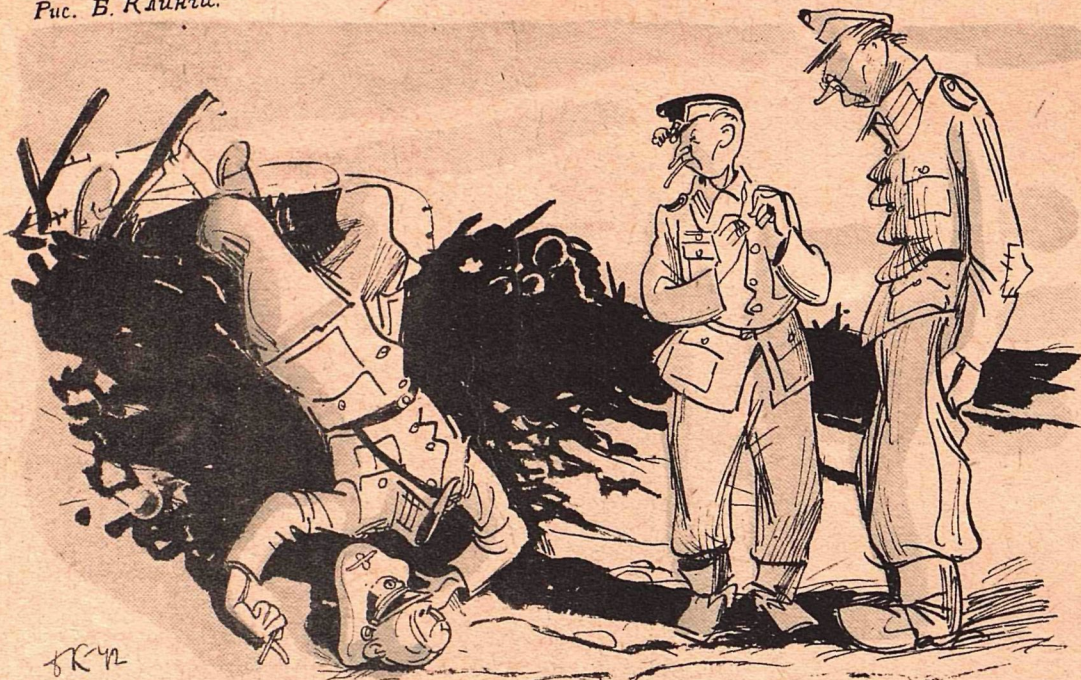
Вечером Федосеич уже разливал ложкой жидкий, аппетитно пахнущий дымком рассольник по жестяным мискам и приговаривал со счастливой улыбкой:

— Прошу вас!.. Кушайте, товарищи, на здоровье, сильвулле, компренз, данке зер!..

Партизаны смеялись.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. Б. Клинка.

— Смотри, Фриц совсем потерял голову из-за Катюши.

Дядя ✓

БЫВАЛО, по воскресеньям в сквере полным-полно папаш с ребятишками. Идет какой-нибудь гражданин-верзила и ведет за руку карапузика. И оба блаженствуют и гордятся друг дружкой. А другой выползет на солнышко с целым выводком, и многие ему завидуют, потому что хорошенькие чужие дети — это всегда завидно.

А теперь в сквер ребята обыкновенно являются самостоятельно или, выражаясь по-военному, с приданными им старичками и старушками.

Вот и в это осеннее воскресенье в сквер набралось довольно много народа и, между прочим, пришел гражданин из тех, кого еще не называют дедушками, а большею частью дядями. Дядя привел за руку маленького укутанного мальчишку, сунул ему в руки лопатку, а сам плотно уселся на отсыревшую скамью, широко развернул газету и сказал:

— Н-да-а...

Сейчас же к нему подсел старичок:

— Сегодняшняя?

— Да ведь... сегодняшняя, — ответил дядя таким тоном, чтобы можно было спросить: «А что?»

— А что? — спросил старичок.

— Да ведь... все то же, — голос у дяди был недовольный и требовательный, и старичок, не будучи уверен, как ему лучше говорить: «да, да» или, наоборот, «нет, нет», — только pokrutil головой, что, безусловно, ни к чему не обязывало.

— Да ведь вот, — обиженно сказал дядя, — пишут: «Наше подразделение на правом фланге...» Позвольте: почему, собственно, на правом? Я географию с детства отлично знаю, у меня и теперь карта обоих полушарий над кроватью висит, и вдруг — бац! Извольте радоваться: на правом! Эх, палочки нет! Я бы вам тут на дорожке начертил, как я это себе мыслю...

Сидевший напротив раненый пересел на их скамейку:

— Возьмите мой батожок.

— Ага, вот теперь дело пойдет. Как же на правом, когда здесь река? Видите? Значит, надо было на левом. Понимаете? А то, черт его знает! Я бы, например, расставил силы таким образом...

Подошел еще старичок и нянька в клетчатой шали. Раненый смотрел на исчерченный

мокрым песком дорожки, на желтые листья, на дядю в теплой кепке, потом сказал только: — А ну, отдайте мне мой батожок, — наступил здоровой ногой на чертеж и пошел прочь.

Дядя пожал плечами:

— Ведь вот тоже относительно раненых. Я бы, например, устроил таким образом... А то ведь получается как? А надо было бы как раз иначе. Эх, вот палочки-то нет, а то я бы вам изобразил, как я это себе мыслю. Ну, ничего, я и так...

Тогда поднялся один из старичков и, ворча себе что-то под нос, пошел по дорожке.

— Он сам врач, — пояснил оставшийся старичок.

— Ах, вот как? Ну и отлично! Тем более должен бы прислушиваться к мнению масс.

— А вы из каких масс будете? — полюбопытствовал старичок.

— Из широких, — неопределенно сказал дядя, но, чтобы не подрывать своего авторитета в глазах старичка, добавил: — У меня родственник вот в этом наркомате работает, — он показал на угловой серый дом, — очень ответственная работа. Только ведь вот я и про этот наш наркомат скажу: я бы совершенно иначе дело повел. Я бы установил, например, таким образом, как я мыслю...

Он говорил долго и обстоятельно и не заметил, как отселился последний старичок. Тогда нянька, сидевшая на краю скамейки и не проронившая ни слова, деликатно сказала:

— Вы, гражданин, конечно, культурный и мыслящий, и уж вы меня простите. Только я что скажу: у вашего мальчишка очень сопельки текут, вытереть бы...

— А, пустяки какие в сравнении с международным положением! — рассеянно сказал дядя, неумело помазал платком под носом у своего мальчишки и повел его домой.

Нянька поглядела ему вслед и — спасибо ей большое! — подвела мораль под всю эту маленькую историю. Она сказала:

— Бывают этакие: и то бы он устроил, и это бы он установил, и всю бы международность на свой лад перекощал. А вот пустячное дело: доверила ему мать один-то разъединный ребячий носик, — так он обыкновенных детских соплей подтереть не может. Тьфу! Господи, прости меня грешницу!

В. КАРБОВСКАЯ

Рис. Б. Фридкина

СТА

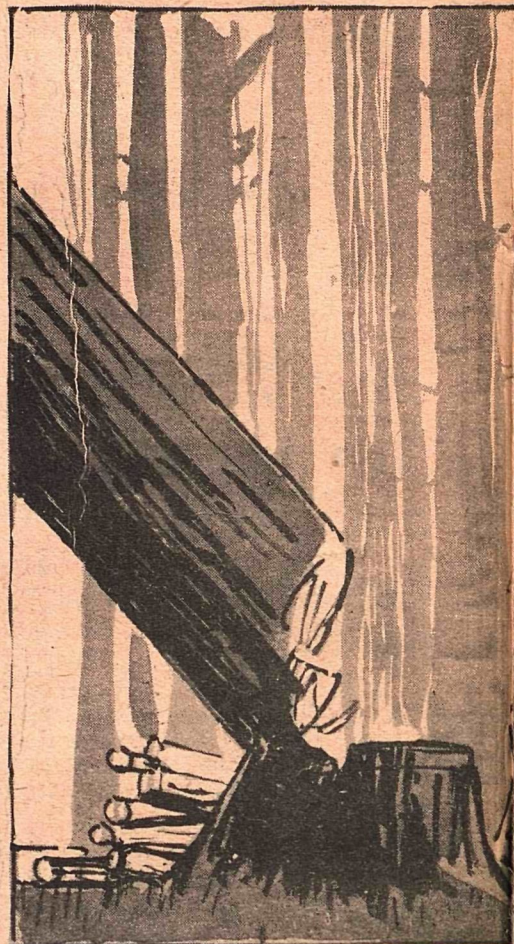
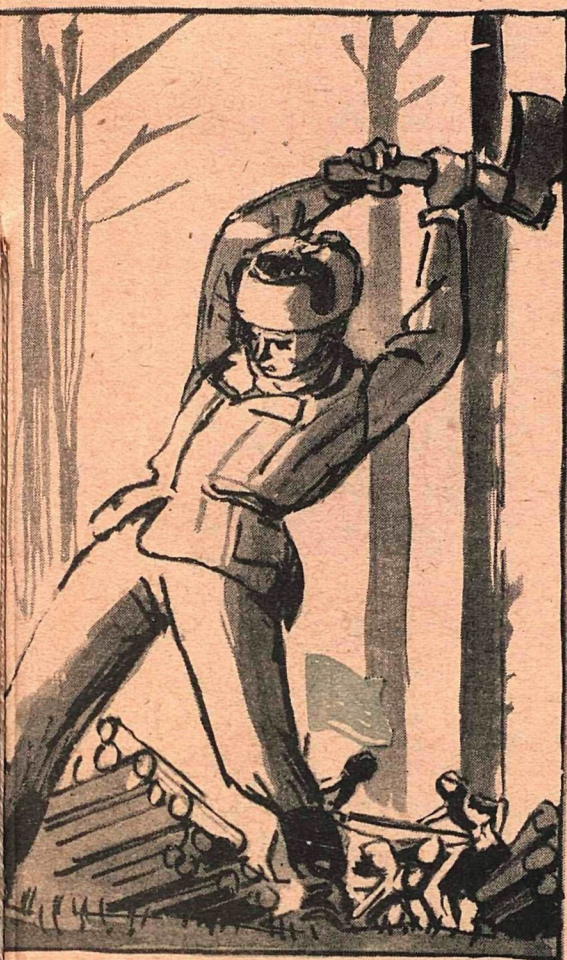
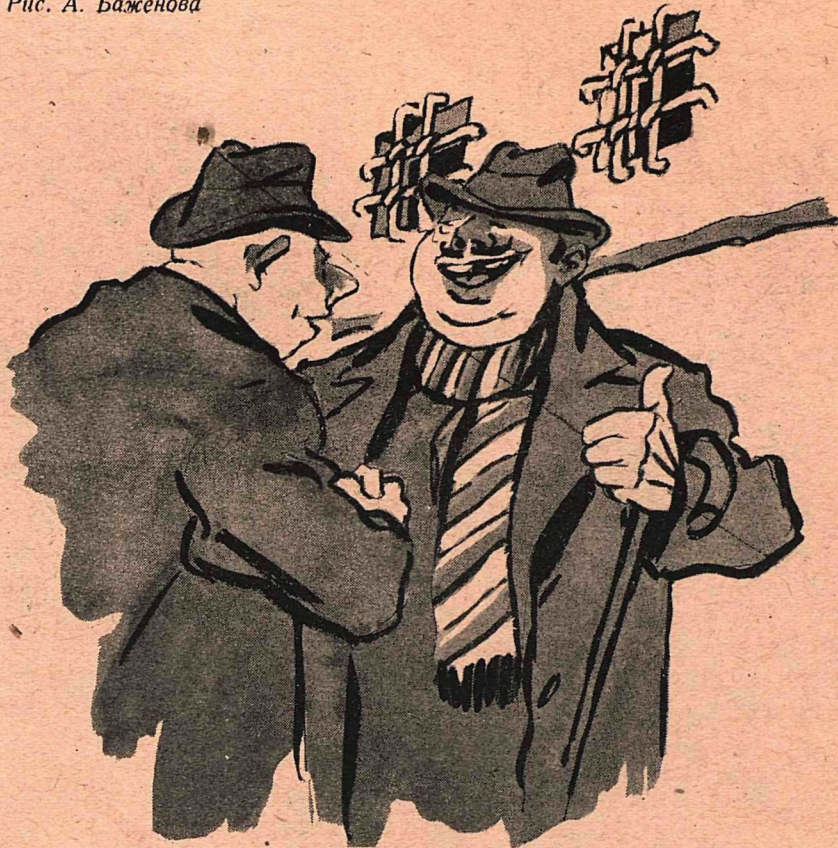

Рис. А. Баженова

есоруб.

— Господин Витонеску, вас же посадили в тюрьму за взятку?
 — Ну, что ж! За взятку вошел, за взятку и вышел.

Артемка-ветеран ✓

В районе партизанского отряда «Непобедимый» произошли удивительные события.

На одном из большаков подорвалась немецкая грузовая машина. Немцы были удивлены: на этой дороге партизаны до сих пор не действовали. Удивлены были и сами партизаны из отряда «Непобедимый». Командир вызвал к себе минеров:

— Кто закладывал вчера мины на этой дороге?

Все молчали. Взрыв, раздавшийся прошедшей ночью, и для минеров был загадочным и непонятным.

Следующей ночью снова на той же дороге взорвалась немецкая машина. Командир «Непобедимого» был смущен происшедшим. Неужели в его районе появился какой-то другой партизанский отряд, а он об этом ничего не знал? Весь день прошел в поисках. Они не дали каких-либо результатов. А на третью ночь на том же месте раздалась четыре взрыва подряд. Исковерканные немецкие машины заполнили собой обочины дороги.

Тогда в разведку решил пойти сам командир отряда. Еще вечером он залег в придорожных кустах, не спуская глаз с большака. Долгое время на дороге вообще никого не было. Наконец появилась маленькая, полусогнутая фигурка. Осторожно оглядываясь, она поползла к дороге и в яму, очевидно, выкопанную накануне, положила мину.

Командир вскочил и одним прыжком настиг незнакомца.

— Ты кто такой?

Он взглянул в лицо своего пленника и чуть не расхохотался: это был Артемка, тот самый тринадцатилетний белообрый Артемка, что уже дважды просился к нему в отряд.

Артемка же, перепуганный и еще не понимающий, в чем дело, не узнал, кто поймал его, и, часто шмыгая носом, повторял лишь одну фразу:

— Я ничего не знаю, я ничего не знаю...

Наконец, он пришел в себя и, увидев перед собой командира партизанского отряда, вдруг

стал общительным и разговорчивым. Он поправил картуз и рассказал, как все произошло. В отряд его не брали (он проговорил эту фразу с обидой), и он решил производить боевые действия самостоятельно. Может быть, товарищ командир помнит дорогу на выходе из его, Артемки, деревни? Помнит? Ну, вот, ведь немцы по ней уже год не ездят, ее заминировали при отступлении наши части. А немцы объезд сделали. Мины зря пропадали. Вот он и решил их сначала по одной, а потом по две, по три перенести на дорогу, по которой ездят. И почти все минное поле, уже перенес. Вот сейчас он отправится за последними двумя минами.

— Ну, а что ты дальше будешь делать?— спросил командир.— Когда поле все перенесешь?

Артемка взял командира за руку и повел к своей деревне. В стороне от дороги, считавшейся заминированной, в редком лесочке находился его потайной склад. Артемка зажег трофейный фонарик, и при свете его командиру представилась необычная картина: в артемкинском складе было два немецких племента, несколько автоматов и парабеллумов, два ящика с боеприпасами, солдатские котелки и много другого военного имущества.

— Откуда это?— спросил командир.

— А я собирал. В окрестных лесах и на дорогах— везде их же много, а вам, небось, пригодятся. Ведь правда?

— Да, пригодятся. А сколько ты собирал?

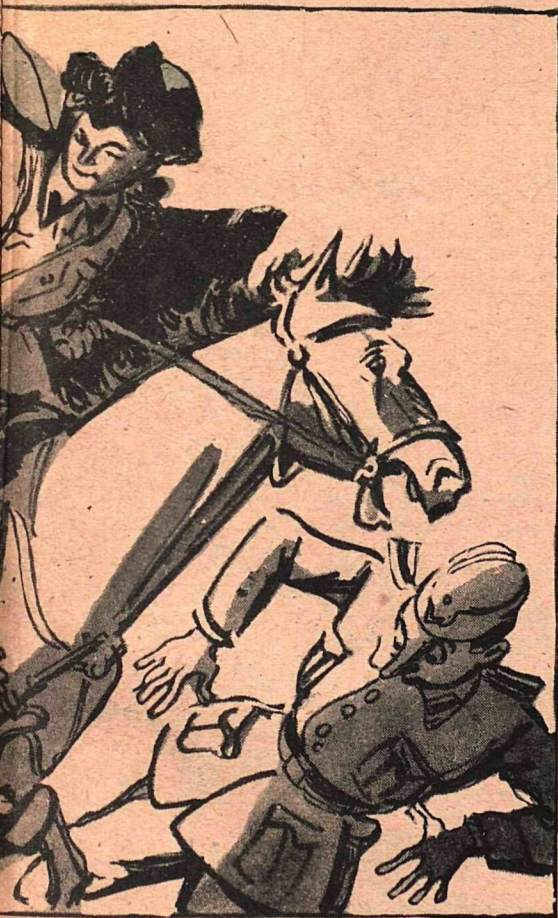
— Да скоро год будет, как немцы пришли. Все думал: в отряд поступлю и сдам вам. А вы все не принимали.

— Пиши заявление...

Заявление Артемки разобрали по всем правилам. Решили считать его полноправным партизаном. А командир тогда сказал, что раз он воюет с первых дней войны, то его можно назвать Артемкой-ветераном. Теперь все величают его только так.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Тыл противника.

ицерб.

«СПОКОЙНАЯ» ЖИЗНЬ

Немецкие чиновники в оккупированных советских районах боятся по вечерам выйти на улицу.

Рис. К. Елисева

— Посмотри: кажется, герр Брудер с супругой отправился в гости к Клюгерам.

Ответ на вопрос

— О чем задумался, Королев?

— Так, вообще. О том, о другом и кроме того обо всем. Вот письмо получил от сына. Десять лет ему. Вопрос один серьезный ставит. Хотите послушать?

Медленно, смакуя каждое слово, Королев читал:

— Папа, мы живем хорошо. Мама работает на заводе, а я с мальчишками собираю железные вещи. На нашей Первомайской улице теперь уже не валяются куски железа, как раньше. Мы все железо собрали. Из него, говорят, делают снаряды, бомбы, чтобы вы на фронте скорее били немцев. Папа, напиши, пожалуйста: сколько ты убил фашистов? У меня Юрка Березов спросил, а я не знаю. Он говорит, что его отец застрелил четырех.

Королев кончил читать. Ни к кому не обращаясь, произнес:

— Ишь ты его! — затем бережно сложил письмо и положил его в карман гимнастерки.

— Что же ты ответишь сынишке? — спросил его красноармеец Валева.

— Вот в том-то и загвоздка. Ответить надо, а что отвечать, — не знаю. Везде мне еще ни разу не приходилось участвовать в бою. На нашем участке тут пока тихо. Одна артиллерия работает.

— А написать надо, — вмешался в разговор боец Трегубов.

— Сам знаю, что надо. А что?

— А вот что: «Дорогой мой сын, крепко целую тебя и с радостью сообщаю, что я пристрелил такое-то количество немецких гадов. Пламенный привет мамаше...»

— Так что, мне врать ему, что ли?

— Ты правду напиши. Зачем врать? Пристрели — и напиши.

— Опять двадцать пять! Да где же я их возьму, этих немцев?

— А вон там, — и Трегубов указал рукой на передний край немецкой обороны. — Там их еще много. И для тебя хватит. А ты что думаешь: вылезет немец из окопа и пойдет искать: «Вас ист дас? Варум, почему в меня не стреляй? Хочу, чтобы меня убил рус — солдат Королефф». Не он тебя должен искать, а ты его.

— Легко сказать! — проворчал Королев.

— Вот то-то и оно-то, — продолжал Трегубов. — Возьми, к примеру, Головина: он на этой неделе отправил на тот свет без пересадки пять фрицев. А ты, Валева, сколько?

— Хвалиться особенно нечем: всего двух.

— Это неважно. Два убитых немца лучше трех живых. И я вот сам шестерых ухлопал.

— Не шесть, а девять, — поправил Головин.

— Трех только ранил. Это я не считаю. За одним я трое суток гонялся. Они, черти, сейчас очень осторожные. Ихние Амальхен пишут им: «Плюнь, Фриц, на медали и кресты и береги свое арийское здоровье...» Конечно, дело нелегкое. А ты думаешь, когда сын спрашивает, а ответить ему нечего, — дело легкое?

Королев задумался. Думал день, думал ночь.

Утром Королев встретил командира отделения сержанта Забурнина.

— Товарищ сержант, — сказал он смущен-

но, — вот какое дело. Хочу сходить на окоп...

— Уток пострелять?

— Сейчас не до уток и не до шуток. Хочу сходить на передовую. Может, удастся убить парочку фрицев. А то как же? Неправильно думают те бойцы, которые ждут, пока немец вылезет из окопа и пойдет искать: «Вас ист дас? Почему в меня не стреляй?» Его надо искать. Найти и убить. Убить и написать об этом сыну.

— Какому сыну? — удивленно спросил сержант.

— У меня сынишка дома. Десять лет. Очень интересуется положением на нашем участке фронта...

На другой день, рано утром, Королев покинул свой блиндаж.

— Куда идешь? — спросил его один из бойцов.

— На главный почтамт. Сыну письмо прислал. Надо дать срочный ответ.

Королев подполз к реке. Нашел на берегу окопчик и лег. Тишина. Слышно, как в реке мелкая рыба шалит.

Напротив, на другом берегу, противник. И там тихо. Ни души не видать. Сидят немцы глубоко в земле и не показываются.

Вот совсем рассвело. На той стороне, в окопе, замелькали каски.

И вот — наконец-то! — один солдат вылез из окопа и пополз в тыл. Ага! Королев прицелился, выстрелил — немец содрогнулся, погом замер, а вскоре опять пополз.

Королев послал ему вдогонку вторую пулю, которая оказалась более счастливой.

Это дело понравилось Королеву.

«Почин дороже денег, — подумал он, — полежу еще».

Целый день лежал Королев. Только к вечеру показался еще один гитлеровец. Этот обошелся дешевле: на него израсходована была только одна пуля...

Вечером сидел Королев в блиндаже и писал письмо сыну. Писал медленно, сосредоточенно, перечитывая вслух каждую написанную фразу.

Письмо кончалось словами:

«Немца, сынок, надо искать. А то некоторые новые, еще не обстрелянные бойцы думают, что немец вылезет из окопа и пойдет искать: «Вас ист дас? Почему в меня не стреляй?..» И еще прошу тебя передать горячий привет твоему товарищу Юрке Березову...»

Г. РЫКЛИН

Фронтовые частушки

Фриц с женой прощался пылко,
Обещал прислать посылку.
Помешала слать посылку
Пуля русская в затылке!

Взяли наши в оборот
Шестиствольный миномет:
Как граната в бок дала, —
Ну, ни пуха, ни ствола!

Взмоют вверх в атаку «яки» —
Взвоят прусские вояки.
На штурмовку выйдут «ильи» —
Роят немцы впрок могилы!

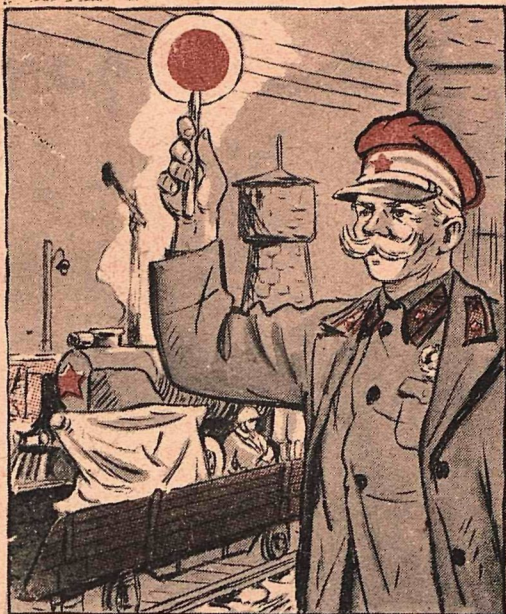
Как связал гранаты в связку,
Вражьем танкам дал я встряску.
Лезли танки напролом,
А теперь — железный лом...

Шла немецкая машина,
В ней бочонков семь бензина.
Как взлетит на mine вверх, —
Интересный фейерверк!..

Немец возле шалаша
Затаился, чуть дыша.
Я как вскинул «Пэ-Пэ-Ша», —
Так из немца вон душа!

Снайпер, бывший счетовод,
Битым немцем счет ведет.
«Подытожен» сотый Ганс —
Замечательный баланс!

Алексей РЕЗАПКИН.

Отец получил орден за систематическое проведение графика движения.

А сын получил орден за систематический срыв графика движения.

Не скрывай!

Пристает ко мне подруга,
Говорит о пустяках:
— Что-то ты уж очень часто
Стала лезть о моряхах!

Я ответила подруге:
— Брось улыбочку свою!
Просто нравятся мне песни —
Потому я и пою!

Но подруга привязалась:
— Ой, признайся, что не зря
Ты на блузке у кармашка
Вышиваешь якоря!

Я подруге отвечала:
— Брось ехидный этот тон!
Блузка сшита, как матроска.
Просто взял такой фасон!

Извела меня подруга
И покою не дает:
— Что за книги ты читаешь:
Все про море да про флот?

Отвечала я подруге:
— Надоел мне твой вопрос!
Эти книги брат читает,
Это он вчера принес!

Тут из книги вдруг упала
Фотография моя.
— Это так... Один знакомый, —
Покраснев, сказала я.

Обняла меня подруга:
— Не валяй-ка дурака!
Вот уж год, как всем известно,
Что ты любишь моряка!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ЖЕЛЕЗО БУДЕТ!

— Плохой из меня вояка, Михель! Врачи ведь еще до войны определили, что в моем организме мало железа.

— Ну и дурак ты, Вилли! Нашел о чем убиваться! Да здесь русские столько тебе всыпят этого железа, сколько ты ни в одной клинике не получишь!

(«Советский гвардеец»).

ТРИ КРЕСТА

— Фриц наш награжден железным крестом.
— А у нас на могиле Ганса деревянный крест поставили.

— Наш Конрад умнее обоих поступил: он сдался в плен русским и на всю войну поставил крест.

(«Отважный боец»).

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

Один финский разведчик (другому):

— В этой роще сидят русские.

— А ты откуда знаешь?

— Видишь, летают галки. Если бы роща была занята нашими, то все галки были бы съедены.

(«Знамя победы»).

ТОЧНЫЙ МАРШРУТ

— Ганс, куда пойдет этот поезд?

— Известно куда, — под откос.

(«Мужество»).

ПЕРЕД НОЧНЫМ БОЕМ

ВИЛЛИ: — Это ужасно! Когда же мы, наконец, кончим воевать?

ГАНС: — Вероятно, сегодня ночью.

(«Сталинец»).

ТОЧНЫЙ ОТВЕТ

НЕМЕЦКИЙ ОФИЦЕР (солдату): — Мерзавец, почему ты не стрелял из пулемета по наступающей роте русских?

СОЛДАТ: — Не мог, господин офицер. Из моего пулемета стреляли русские по мне.

(«Сталинец»).

ВЕЖЛИВЫЙ СНАЙПЕР

— Товарищ снайпер, разрешите вас сфотографировать.

— Очень извиняюсь, по горло занят: видите, фрицев снимаю.

(«За честь родины»).

ПО ПОСЛОВИЦЕ

— Хэнде хох! — крикнул из-за куста немец разведчику Остапу Пилипенко.

Остап молча бросился на немца, заколол его штыком и только тогда сказал на родном украинском языке:

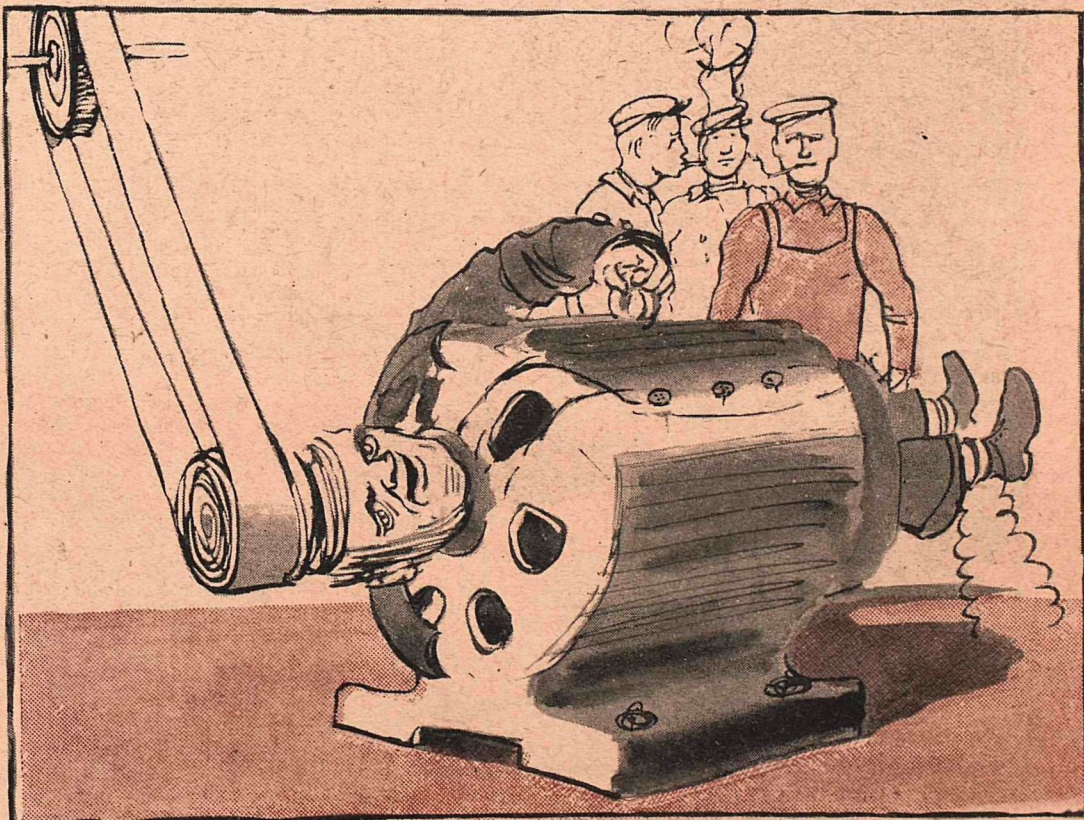
— Не кажи «хох», пока не перескочишь...

(«Гвардейское знамя»).

ГОРЕ «ХОЛОСТЯКА»

Некоторые станки на заводах часами работают вхолостую.

Рис. А. Каневского

— Эх, тяжела ты, жизнь холостяцкая! Крутишься целый день и все без толку!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел.

Д 3-3-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 887

Поап. к печати 11/XI 1942 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 61717.

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 3046.

Тираж 135 000 экз.

20

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

214031312

НАЛАЖЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Получ.
в ред.

Первод
и сорни

Лет
сезонный

урн.
лет

24/ХІ

2781

Рис. Л. Бродяги

На тот свет с пересадкой в Сталинграде.